

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: интертекстуальные элементы, эпистолярные тексты, переписка немецких музыкантов, Леопольд Моцарт, Вольфганг Амадей Моцарт, проблемы перевода.

В статье рассматриваются проблемы перевода интертекстуальных элементов в эпистолярном тексте на материале переписки немецких музыкантов XVIII века. Автор подробно рассматривает специфику интертекстуальных элементов, их типы и возможности перевода, указывая на общую стратегию и конкретные решения в переводах писем Леопольда и Вольфганга Амадея Моцартов. Несмотря на высокую степень переводимости эпистолярных текстов, именно интертекстуальные элементы в письмах составляют основные трудности при переводе, так как интертекстемы (прецедентные тексты и имена, цитаты, пересказы бесед и другие элементы) часто вводятся в переписке имплицитно, а в текстах XVIII века, как правило, на иностранных языках, фрагментарно или как элемент языковой игры. Количество и набор интертекстуальных элементов в эпистолярных текстах меняется и зависит от времени создания текста. В письмах немецких музыкантов XVIII века интертекстуальные элементы занимают важное, но небольшое место — набор их достаточно скромнен: иноязычные вкрапления, цитаты, автоцитаты, интертекстемы библейского происхождения и дружеского (семейного) общения, отдельные компоненты игры слов. Иноязычные элементы сохраняются в текстах перевода на языке оригинала, интертекстемы библейского происхождения переводятся соответствиями, интертекстемы дружеского (семейного) общения и компоненты игры слов из-за своего слабого ассоциативного воздействия требуют комментариев. Интертекстуальные элементы в старинных эпистолярных текстах в большинстве случаев теряют свою актуальность, они практически не распознаются и не функционируют в тексте как интертекстемы, и переводчик не может восстановить их, только компенсировать за счет комментариев, которые сохраняют, хотя и не в полном объеме, саму идею интертекстуальности.

A. V. BOYARKINA

St. Petersburg State University

INTERTEXTUAL ELEMENTS IN THE EPISTOLARY TEXT: PROBLEMS OF TRANSLATION

Keywords: intertextual elements, epistolary texts, correspondence of German musicians, Leopold Mozart, Wolfgang Amadeus Mozart, translation problems.

The article deals with the problems of the translation of intertextual elements in epistolary texts on material of the correspondence of German musicians of the 18th century. The author examines in detail the specifics of intertextual elements, their

types and translation possibilities, pointing out a general strategy and specific solutions in translations of the letters of Leopold and Wolfgang Amadeus Mozart. Despite the fact that epistolary texts have a high degree of translatability, it is intertextual elements that constitute the main difficulties in translation, since intertextemes (precedent texts and names, quotations, retelling of conversations and other elements) are often introduced implicitly, and in texts of the 18th century, as a rule, in foreign languages, fragmentary or as an element of word-play. The number and set of intertextual elements in epistolary texts varies and depends on the time the text was created. Intertextual elements occupy an important but small place in the texts of the letters of German musicians of the 18th century: their number is quiet small: foreign inclusions, quotes, self-quotes, intertextemes of biblical origin and friendly (family) communication, individual components of word-plays. Foreign elements are preserved in translation texts in their original language, intertextemes of biblical origin are translated by correspondences, the intertextemes of friendly (family) communication and the components of word-plays due to their weak associative effect require comments. Intertextual elements in ancient epistolary texts in most cases have lost their relevance, they are practically not recognized and do not function in the text as intertextemes, and the translator cannot restore them, only compensate at the expense of comments that preserve, although not in full, the very idea of intertextuality.

Перевод эпистолярных текстов, несмотря на высокую степень переводимости, считается довольно сложным. Переводчику необходимо владеть фоновой информацией, уточнять реалии быта и общественной жизни, реагировать на отклонение от литературной нормы (в сторону завышения или занижения), передавать авторский стиль. Однако особенно трудны при переводе эпистолярного текста интертекстуальные элементы, которые в частной переписке не всегда касаются прецедентных текстов и имен, нередко вводятся имплицитно, на иностранных языках, фрагментарно или как элемент языковой игры. Количество и набор интертекстуальных элементов в эпистолярных текстах находится в тесной зависимости не только от авторских предпочтений, но и от времени создания текста: в относительно современных письмах их больше, в старинной переписке их значительно меньше и они представлены в другом составе. Показательны в этом смысле немецкие эпистолярные тексты XVIII века, в частности переписка немецких музыкантов, в текстах которых интертекстуальные элементы встречаются в шутовском контексте в начальных или заключительных формулах вежливости и, как правило, на иностранных языках.

Но что сегодня означают для читателя эпистолярных текстов эти включения? Высок ли их ассоциативный потенциал, могут ли

они отразить многослойность и многозначность исходного текста, или их значение обесценивается и переводчик может их игнорировать? Действительно ли важно сейчас распознавать в старинных эпистолярных текстах интертекстуальные элементы и передавать их при переводе?

Как известно, эпистолярные тексты обладают рядом специфических особенностей, создающих сложное целое. Из-за «промежуточного» положения между письменной и устной коммуникацией [19; 20; 12; 14; 23; 21; 27, S. 12, 35, 103, 264] в тексте письма часто проявляются неполноструктурность и присоединительный характер синтаксической организации (различного рода «перебои», корректирующие конструкции [9, с. 21; 22, с. 87]); эпистолярный текст ориентирован на обиходно-разговорную речь, что актуализируется в повышенной эмоционально-экспрессивной окраске лексики, появлении диалектных черт [23, S. 173–174; 8, с. 85, 95; 1, с. 223], а также «стилевой гетерогенности» [13, с. 3]. Хотя эпистолярные тексты имеют некоторое сходство с документальной литературой, например с дневниковыми записями и мемуарами, различия между данными текстотипами довольно существенны — дневники и мемуары не имеют конкретной адресованности и специфической структурной модели (эпистолярной этикетности).

Для письма как типа текста структурно релевантными и функционально значимыми оказываются несколько текстообразующих категориальных признаков — адресованность, целостность, связность, темпоральность, модальность и информативность. При этом категория адресованности оказывается одной из самых важных [13] — статус адресата определяет эпистолярный речевой этикет (этикетную рамку, эпистолярные клише), тему (набор тем), словарь, синтаксис, то есть структурно-семантические характеристики частного письма и реализацию всех основных текстовых категорий, что позволяет различать подтипы писем не только тематически (например, дружеское письмо, письмо-наставление, интимное письмо, различные виды этикетных писем). Другими важными текстообразующими категориями в письме являются категории целостности и связности, последняя нередко может восстанавливаться за счет опоры адресата на другие категории — пространственно-временную соотношенность, субъективную модальность. Характерной чертой реализации категории связности являются также интертекстуальные элементы.

При упоминании интертекстуальных элементов в художественном тексте речь идет, как правило, о включениях больших фрагментов «чужого» (прецедентного) текста, либо о цитатах, текстовых аппликациях, аллюзиях и реминисценциях, а также небольших элементах — включениях крылатых слов, фразеологизмов и даже отдельных лексем [3; 4], призванных усложнить текст, наполнить его новыми смыслами, ассоциациями. И. В. Арнольд, например, вслед за М. М. Бахтиным относит к интертекстуализмам также кодовые включения, которыми может быть не только иноязычная лексика, но и иноязычная [3, с. 369].

Эпистолярный текст, безусловно, отличается от художественного, даже если автор писем — известный писатель: в эпистолярных текстах не встречаются некоторые «традиционные» для художественного текста интертекстуальные средства — названия (всего текста и его разделов) и эпитафы, которые бы стояли в начале текста и повышали, таким образом, «импликационный и модальный потенциал» текста [3, с. 360]. К тому же частотность использования и разнообразие интертекстуальных средств в эпистолярных текстах меньше, даже несмотря на то, что возможны включения в текст писем прецедентных текстов, цитат, крылатых выражений, интертекстом библейского происхождения, иноязычных слов и выражений [4]. Важным связующим звеном в письмах являются элементы, обеспечивающие диалог адресанта и адресата, — на протяжении всей переписки постепенно набираются и аккумулируются языковые средства, которые могут быть использованы как интертекстуальные (автоцитация, повтор иноязычных элементов, фразеологизмов, отдельной лексики и так далее), составляя, таким образом, определенный «ассоциативный тезаурус» [3, с. 354] семейного или дружеского общения, и именно эти элементы оказываются для переводчика особенно «опасными».

В немецкой частной корреспонденции на протяжении всего XVIII века можно наблюдать любопытные явления — к середине века, по мнению исследователей [15; 16; 7; 17; 28; 26; 24], немецкое письмо преодолело все этапы развития эпистолярного текста (от копирования латинских эпистолярных форм до свободного их применения) и имело уже свои специфические черты: во-первых, эпистолярный речевой этикет — устоявшиеся этикетные формулы на немецком языке, эпистолярную фразеологию и словарь (хотя строгое соблюдение эпистолярных форм, некоторая «галантность»

сохранялась только в официальных частных письмах или в письмах к незнакомому адресату); во-вторых, явную установку на разговорный стиль (Г.Э.Лессинг: «Пиши, как говоришь, и это будет прекрасно»¹); и, в третьих, сосуществование разнообразных орфографических вариантов в текстах писем (процесс становления письменного варианта литературной нормы немецкого языка находился в завершающей стадии практически до конца XVIII века).

Эпистолярная структура на протяжении всего XVIII столетия упрощалась (см., например, письма Г.Э.Лессинга, М.Клаудиуса, И.К.Лафатера, Ф.Шиллера, И.В.Гёте, а также письма Шарлотты Шиллер), как и эпистолярные формулы — если в начале XVIII века обращение выглядело по-барочному пышно (*HochEdler, Vest- und Hochgelahrter Hochgeehrtester Herr* — в письме Иоганна Себастьяна Баха к Августу Беккеру от 19 марта 1714 года; *Hoch-Edler. Insonders hochgeehrtester Herr und (so es noch erlaubt seyn dürffte) Werthester Herr Bruder* — в письме Баха к другу детства Георгу Эрдману от 28 июля 1726 года; *HochEdelgebohrner Vest und Hochgelahrter. Besonders Hochgeehrtester Herr Senior Hochgeschätzter Gönner etc.* — в письме Баха к Тобиасу Ротширу от 2 мая 1735 года (Bach-Dokumente, S. 21–123)), то в середине XVIII века инициальные обращения стали немногословными (*Mein lieber N. N.; Lieber Freund; Teuere Mutter; Mein Herr*). Та же тенденция наблюдалась и в заключительных формулах вежливости. Например, в письме Баха к Иоганну Фридриху Клемму от 30 октября 1736 года заключение весьма многословно и содержит многочисленные формулы вежливости, в то время как в письмах более позднего периода (к концу XVIII века) комплименты и формы прощания сводились к минимуму (*Leben Sie wohl*) или заменялись французским *Adieu*:

Wollen Ew. HochEdlen demnach eines alten auffrichtigen Dieners, ehemahligen SchulCammeraden und Reisegafährten sich hochgeneigt belieben zu erinnern und deßsen gehorsamstes bitten sich ganz zu eigen verbinden

*Ew: HochEdlen unterthänigsten und gantz gehorsamsten Diener
Joh: Sebast: Bach (Bach-Dokumente, S. 92).*

Несмотря на упрощение этикетных форм, сам текст немецких писем этого периода заметно усложнялся — синтаксис становил-

¹ «Schreibe, wie Du redest, so schreibest Du schön» [25, S. 2]. Перевод здесь и далее мой, если не указано иное. — А. Б.

ся все более разговорным, все чаще использовались иноязычные вкрапления. Важно заметить, что в течение всего XVIII века немецкое частное письмо испытывало огромное влияние французского языка, нередко корреспонденция велась исключительно на французском (например, письма Фридриха Великого, Марии Терезии, письма М. С. фон Лярош к К. М. Виланду, И. Г. Гердера к сыну Августу), в текстах писем встречалось много галлицизмов, и на протяжении всего XVIII века еще долго после перехода писем на немецкий язык адреса, а также обращения и формулы прощания писали по-французски.

Любопытно, что в немецких письмах именно этого периода иноязычные вкрапления, эпистолярные формулы, фразы и цитаты на французском, итальянском языках и латыни не воспринимались адресантами как нечто «чужое»; напротив, наличие данных вставок связывало текстовый массив в единое целое. Так, например, в письмах И. С. Баха, Ф. Генделя, К. В. Глюка, Л. и В. А. Моцартов постоянно встречаются иноязычные вкрапления и тексты на итальянском, французском и английском языках, что реже наблюдается в письмах музыкантов более позднего периода.

В частных письмах музыкантов практически не бывает включений прецедентных текстов, тем более больших объемов, возможны цитаты из писем других корреспондентов, самоцитация. Так, например, в письмах Вольфганга Амадея Моцарта можно встретить не только цитирование фрагментов своих и чужих писем, но и записи разговоров с важными персонами, причем включение «чужого» текста может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Так, в письме от 11 октября 1777 года Моцарт описывает отцу встречу с давним другом семьи, чешским композитором Йозефом Мысливечекком, который к тому времени был уже серьезно болен. В диалоге чужие слова Моцарт помечает подчеркиванием, не всегда последовательно (кроме первой фразы), свои слова передает без подчеркивания:

Mein lieber freünd! er merckte es, daß ich gerührt war, und fieng so gleich ganz munter an. aber sagen sie mir, was machen sie denn; man hat mir gesagt, sie seÿen hier; ich glaubte es kaum. wie ist es denn möglich daß der Mozart hier ist, und mich nicht längst besucht hat. ich bitte sie recht um verzeÿhung, ich habe so vielle gänge gehabt, ich habe so vielle gute freünde hier. ich bin versichert daß sie recht gute freünde hier haben, aber einen so guten freünd, wie ich, haben sie gewis nicht (Mozart, Bd. 2, S. 44). — Мой

дорогой друг! он заметил, что я так расстроган, и начал сразу совсем бодро. скажите-ка, чем вы занимаетесь; мне говорили, что вы здесь; я не мог поверить. как же это возможно, чтобы Моцарт был здесь и до сих пор еще не навестил меня. я искренно прошу вас о прощении, у меня было столько визитов, здесь столько добрых друзей у меня. уверяю, у вас здесь поистине добрые друзья, но такого доброго друга, как я, у вас вправду нет (Моцарт, с. 60).

В письме от 26 сентября 1777 года при цитировании диалога с одной актрисой Моцарт смешивает косвенную речь и прямую, никак не выделяя это в тексте:

Mad: Niesser die Comcediantin gieng just heraus, und fragte mich, sie wollen gewis zum grafen? ja. er ist noch in seinen garten gott weis wen er kömt. ich fragte sie wo sein garten seÿ, ja, sagte sie, ich habe auch mit ihm zu sprechen, wir wollen mitsamen gehen (Mozart, Bd. 2, S. 12). — *Ниссер, комедиантка, как раз выходит и спрашивает меня, вы наверняка к графу? да. он еще в саду и Бог знает, когда вернется. Я спросил ее, а где его сад, она отвечает, мне ведь тоже нужно с ним поговорить, пойдемте вместе* (Моцарт, с. 52).

Включения в эпистолярный текст диалогов характерны для переписки немецких музыкантов — так, практически всегда В. А. Моцарт в подробностях передает матери, отцу, а затем жене разговоры с важными особами, друзьями, музыкантами, при этом включает эти беседы в текст писем, как правило, имплицитно. Помимо диалогов, Моцарт может цитировать фрагменты писем, записки, нередко на французском и итальянском языках. Например, в письме от 11 октября 1777 года к отцу Моцарт, описывая свои колебания, связанные со встречей с Мысливечеком, цитирует свою записку, вводя текст в кавычках, но при этом передает цитату косвенной речью. Ответ цитирует на итальянском языке:

ich schrieb aber folgenden tags einen italienischen brief an ihn, ganz natürlich: „ich könnte ohnmöglich zu ihm komen; ich habe schier nichts essen, und nur 3 stund schlaffen können. ich war den tag wie ein mensch der seine vernunft verlohren hat. er seÿe mir imer vor augen Ecet:“ lauter sachen die so wahr sind als die sonne klar ist. er gab mir folgende antwort: lei é troppo sensibile al mio male...

er schickte mir den aufsaz zum brief an santoro. La brama chèbbi già da tanto tempo di servir V: S: Ill: e cotesto rispettabilissimo Publico di Napoli

colle mie debolezze di produrmi in cotesto Real Teatro, é il mottivo ch'io...
(Mozart, Bd. 2, S. 45).

но на следующий день написал ему итальянское письмо совершенно откровенно: „я никак не могу к нему прийти; я почти что ничего не ел и смог спать всего 3 часа. весь день был, словно помешанный. он то и дело стоял перед глазами и т. д.“ вещи сплошь настолько правдивые, это было ясно как божий день. он ответил так: *lei é troppo sensibile al mio male...*

он отослал мне текст для письма к санторо. *La brama ch'èbbi già da tanto temp di servir V: S: Ill: e cotesto rispettabilissimo Publico di Napoli colle mie debolezze di produrmi in cotesto Real Teatro, é il motivo ch'io...*
(Моцарт, с. 61).

В текстах отца и сына Моцартов иноязычными интертекстуальными элементами могут быть не только большие по объему цитаты из писем, но и эпистолярные фразы, отдельные выражения. Чаще эти элементы встречаются в конце писем в заключительных формулах вежливости, например в приписке Моцарта к письму отца от 17 февраля 1770 года: *per far il fine* (в заключение (ит.). — А. Б.) *остаюсь твоей...* (Бояркина, с. 67; см. также: Mozart, Bd. 1, S. 316) или в письме Моцарта от 26 января 1770 года: и *поцелуй мама руки in vece mia* [вместо меня (ит.)]² (Моцарт, с. 31; см. также: Mozart, Bd. 1, S. 311).

Иноязычные интертекстуальные элементы используются авторами и в основном тексте письма. Например, в письме от 26 января 1770 года Леопольд Моцарт объясняет жене, что поездки обходятся семейству довольно дорого, особенно питание, используя при этом выражение на итальянском языке:

Es werden aber auch schon |: da dieses schreibe |: 6 Wochen vorbej seyn, daß wir Salzb: verlassen haben, und wen man gleich à pasto Lebet, und über dieses vielmahls, ja meistens nicht zu Hause speiset, so ist doch das Nachtessen, zimmer, Holz etc: alles so theuer, daß man unter 6 duc-catten aus keinem WirthsHause komt, wo man 9 bis 11 täge sich aufhält (Mozart, Bd. 1, S. 307). — Прошло вот уже 6 недель, как мы покинули Зальцб. |: на сегодня, когда я пишу это |: и если Жить почти **à pasto** [не тратясь на питание, букв. «помимо еды» (ит.)], часто, даже в основном, обедая в гостях, то ужины, комнаты, дрова и проч: все равно столь дорого, что обходятся не менее 6 дукатов в каждой

² В квадратных скобках приводим примечания переводчика. — А. Б.

из гостиниц, в которых мы останавливаемся от 9 до 11 дней (Бояркина, с. 62).

А в письме от 17 октября 1777 года Моцарт использует выражение на французском языке:

*ich merckte schon aus seinen discoursen so, daß er glaubte ich würde nicht viell auf seiner orgl machen; ich würde **par Exemple** völlig Clavier mässig spielen* (Mozart, Bd. 2, S. 70). — Я уже понял из его высказываний, что я, по его мнению, мало что смогу сыграть на его органе; что я буду **par Exemple** [например (фр.)] пытаться играть в точности как на клавире (Моцарт, с. 71).

Иногда в текстах писем цитируются фрагменты либретто. Например, в письме от 26 января 1770 года Моцарт цитирует на итальянском языке текст П. Метастазियो из оперы немецкого композитора «Деметрия» Иоганна Адольфа Хасце (1699–1783), 1-й акт, 4-я сцена (на этот текст Моцарт пишет свою арию «Ты не несчастен» (KV, Anh. 2, утеряна)³).

Кроме иноязычных включений, в переписке музыкантов встречаются довольно крупные нотные вставки, стихи собственные или других авторов (например, письмо К. М. фон Вебера от 15 июля 1811 года, Zu Bärmanns Namenstag (Musiker-Briefe, S. 202)). Однако данные включения, цитаты из писем и записанные ненормативным образом диалоги хотя и являются формально интертекстуальными элементами, практически не несут в себе ассоциативного потенциала и не функционируют в тексте как интертекстемы. В свое время они воспринимались авторами и реципиентами текстов, вероятно, как естественное явление, однако современному читателю эти включения все же неясны, они затрудняют понимание фразы и требуют пояснений.

Тем не менее в эпистолярных текстах музыкантов встречаются и «настоящие» интертекстуальные элементы. Речь идет, например, о прецедентных именах, хотя их и мало, и интертекстемах библейского происхождения, которые в текстах распознаются и переводятся с помощью соответствий достаточно легко. Возможны цитаты, однако почти не встречаются аллюзии и реминисценции, чаще в шутивном контексте (обыгрывание имен собственных, акро-

³ Произведения приводятся по хронологическо-тематическому указателю сочинений В. А. Моцарта, составленному Людвигом фон Кёхелем (1800–1877) (KV).

нимические шифры), имеются также интертекстемы дружеского (семейного) общения и интертекстуальные элементы, включенные в игру слов. Передаются ли они в переводах писем музыкантов XVIII века, если да, то каким образом?

Возможности перевода интертекстуальных элементов активно обсуждаются исследователями-переводоведами. Опираясь на классические работы по интертекстуальности (М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, И. В. Арнольд и других), ученые затрагивают вопросы от интертекстуальности как барьера в переводе [2] до стратегий перевода интертекстуальных элементов [5; 11; 18]. На материале художественных текстов многими исследователями затрагиваются проблемы, связанные с передачей культурной специфики интертекстуальных элементов (в основном реалий и аллюзий) и предлагаются либо адаптация и трансформация интертекстов при переводе, либо констатируется неизбежность потери интертекстуальности [18]. Подобная стратегия отчасти может быть использована и для перевода переписки.

Из эпистолярного наследия немецких музыкантов XVIII века переведено немного, в частности материалы И. С. Баха (куда входит и переписка) и полное собрание писем В. А. Моцарта, причем переводы, выполнявшиеся в разное время, демонстрируют иногда прямо противоположные подходы. Так, например, в современных переводах **иноязычные вкрапления** или **цитаты** в тексте перевода сохраняются на языке оригинала, однако, например, в книге «Документы жизни и деятельности И. С. Баха» (1980) переводчик Валерий Ерохин предложил другой подход — большинство иноязычных включений были переведены на русский язык без оговорок. Во вступлении от переводчика прозвучала аргументация: «...латинизмы и галлицизмы Баха и его современников были для немецкой письменной речи того времени нормальным явлением и, в сущности, не воспринимались как нечто инородное» (Документы, с. 9). Трудно не согласиться с позицией переводчика, однако тотальный перевод иноязычных вкраплений и текстов несколько искажает впечатление от оригинала — если не знать о намерениях переводчика и знакомиться с переводами документов Баха «напрямую», то невозможно было бы догадаться, например, что Бах и многие его современники были полиглотами.

Что касается **диалогов**, в некоторых ранних переводах писем Моцарта (например, в книге В. Д. Корганова [10]) диалоги распре-

делялись по репликам и менялся синтаксис, в современных переводах сохраняется авторское оформление текста.

Прецедентные имена встречаются в эпистолярных текстах немецких музыкантов в небольшом количестве и требуют пояснений, так как относятся, как правило, к авто- и социумно-прецедентным феноменам [6, с. 104], имеющим определенные ограничения ассоциативного воздействия (круг друзей, семьи). Например, в письме к Марии Анне Текле Моцарт от 13 ноября 1777 года Вольфганг Амадей шуточно намекает на главного героя практически неизвестной теперь пьесы Ф. фон Кронекера (1731–1759) «Кодрус, или Образец любви к отечеству», и только по контексту можно догадаться (и то не в полной мере) о значении этого включения. В переводе данное имя требует комментария, так как интертекстуальное значение компонента полностью утеряно:

*haben sie mich noch imer so lieb, wie ich sie, so werden wir niemahlen aufhören uns zu lieben, wen auch der löwe ringsherum in Mauern schwebt, wen schon des zweifels harter Sieg nicht wohl bedacht gewesen, und die tirranney der wütterer in abweg ist geschliechen, so frist doch **Codrur** der weis **Philosophus** oft roz für haber Muß, und die Römer, die stützen meines arsches, sind imer, sind stehts gewesen, und werden imer bleiben — kastenfrej (Mozart, Bd. 2, S. 122). — Если вы меня любите так же, как я вас, то мы никогда не перестанем любить друг друга, пусть даже лев в стенах кругом таится, когда сомнений тяжкая победа еще не мнилась вовсе, и тирания дерзостных трусливо отступила, но **Кодрус**, сей **философ** мудрый, вместо овсянки часто пожирает мерзость, а римляне — то задницы моей опора, они — всегда, они всегда и были, и пребудут вечно — притом бесплатно (Моцарт, с. 87).*

Также достаточно редко в письмах встречаются **интертекстемы библейского происхождения**, которые распознаются в тексте довольно легко и имеют соответствие в языке перевода. См., например, письмо от 2 октября 1777 года, в котором Моцарт использует готовое клише в заключительной формуле вежливости:

*und bin von nun an **bis in Ewikeit amen**
gehorsamster dero
wolfgang amadé Mozart sohn (Mozart, Bd. 2, S. 33).*

*ваш **ныне и присно и векеи веков аминь**
с нижайшей покорностью к вашей милости
Вольфганг Амадей Моцарт сын (Моцарт, с. 57).*

В эпистолярных текстах музыкантов возможны цитаты, но крайне редко встречаются **аллюзии** и **реминисценции**, чаще в шутовском контексте (обыгрывание имен собственных, акронимические шифры) — так, например, в заключительных формулах вежливости письма от 23 сентября 1777 года Моцарт шутовски намекает на зальцбургского архиепископа Иеронима Коллоредо, называя его высшим мусульманским духовным лицом; в переводе данная аллюзия комментируется, так как эта интертекстема семейного общения не обладает высокой ассоциативной направленностью и не распознается читателем сразу:

*wir bitten alle zwey, der Papa möchte achtung geben auf seine gesundheit; nicht zu früh ausgehen; sich nicht selbst verdruß machen. braf lachen und lustig seyn, und allzeit mit freuden, wie wir, gedencken, das der **Mufti H: C**: ein schwanz, gott aber mittleidig, barmherzig und liebreich seye* (Mozart, Bd. 2, S.7). — *мы вместе с нею обращаемся с просьбой к папа, чтобы он берег свое здоровье; не выходил бы на улицу в ранние утренние часы; и не огорчался бы по пустякам, хохотал во все горло и был бы весел, и всякий час с радостью вспоминал, как и мы, что **Муфти И. К.** ослиный хвост, что Бог сострадания, милосердия и любвеобилия преисполнен* (Моцарт, с. 50).

Чаще всего в текстах писем интертекстуальные элементы используются для шутовских повторов, игры слов, при этом за основу берется фразеологизм или пословица и обыгрывается либо ее форма, либо ее отдельные элементы. Так, например, в письме от 26 января 1770 года Моцарт, используя выражение, принятое в итальянском театральном жаргоне, *il cantane è un cane* ('поет как собака'), сохраняет только один элемент (*hund*) и несколько раз повторяет его на протяжении основного текста письма. Этот интертекстуальный элемент также необходимо комментировать, так как данное выражение не имеет аналогов в русском языке и один его компонент, даже при многократном повторе, не вызывает необходимых ассоциаций и комического эффекта:

*...prima Ballerina: gut, und man sagt, sie seye gar kein **hund** nicht...;*
*...prima Dona, nicht übel, schon alt glaub ich, wie ein **hund**, singt nicht so gut, als sie **agiert**, und ist die frau eines violinisten, der bey der **opera** mit geigt, und sie nent sich **Masi**...*
*...seconda Dona, auf den Theater kein **hund**, jung, aber nichts rars...*
*...Ballerina prima. gut, und ein sehr grosser **hund**. eine Tänzerin ist*

dort gewesen, die nicht übel geTanz hat, und was das nicht für ein Capod' opera ist, ausser dem Theater, und in dem Theater kein hund ist. die übrigen wie alle (Mozart, Bd. 1, S. 310).

...прима-балерина: хороша, и говорят, что **на собаку** она не похожа...

...Примадонна неплохая, думаю, она уже старая, **как собака**, поет не столь хорошо, как играет, она жена одного скрипача, который играет в опере, и зовут ее Мазы...

...Секонда донна, в этом театре **не собака**, молодая, но ничего особенного...

...прима-балерина хороша, и **собака, каких мало**. Там была еще танцовщица, которая неплохо танцевала, хотя это не для *Сардопера* [шедевр (ит.)], а для театра, а в театр там ни одна **собака** не ходит (Моцарт, с. 30).

Также, например, в приписке к письму отца от 10 февраля 1770 года с помощью замены одного из компонентов Моцарт обыгрывает баварско-австрийскую поговорку *Wenn man die Sonne nennt, sendet sie ihre Strahlen* (дословно с нем. «Если вспоминают о солнце, оно греет своими лучами»), в переводе сохраняется тот же прием:

wen man die Sau nent so komt sie gerent (Mozart, Bd. 1, S. 314). — *Вспомнишь свинью — она и появится* (Бояркина, с. 65).

В текстах писем немецких музыкантов XVIII века интертекстуальные элементы занимают важное, но небольшое место — набор их достаточно скромнен: иноязычные вкрапления, цитаты, автоцитаты, интертексты библейского происхождения и дружеского (семейного) общения, отдельные компоненты игры слов. Иноязычные элементы сохраняются в текстах перевода на языке оригинала, интертексты библейского происхождения переводятся соответствиями, интертексты дружеского (семейного) общения и компоненты игры слов из-за своего слабого ассоциативного воздействия требуют комментариев. Имеющиеся полные собрания эпистолярных текстов немецких музыкантов XVIII века готовят, как правило, не только филологи, но и, в основном, музыковеды-историки, поэтому данные тексты снабжены серьезным научным комментарием, который переводчики могут использовать при переводе.

В целом необходимо заметить, что интертекстуальные элементы в эпистолярных текстах немецких музыкантов XVIII века в большинстве случаев потеряли свою актуальность, практически не распознаются и не функционируют в тексте как интертекстемы, поэтому их ввод в текст перевода требует, как правило, отдельных комментариев, что часто нарушает целостность восприятия текста. Необходимо подчеркнуть, что интертекстуальные элементы функционируют в тексте в том случае, если их ассоциативный потенциал могут воспринять переводчик (как первый реципиент) и читатель, поэтому перевод старинных эпистолярных текстов требует от переводчика настоящего научного подхода, так как в этих текстах интертекстуальные связи ослаблены, почти неузнаваемы и переводчик их не может восстановить, только компенсировать за счет комментариев, которые сохраняют, хотя и не в полном объеме, саму идею интертекстуальности.

Источники иллюстративного материала

Бояркина — *Бояркина, А. В.* Отец гения: письма Леопольда Моцарта из первого путешествия в Италию // Научный вестник Московской консерватории. 2019. № 1 (36). С. 47–73.

Документы — *Документы жизни и деятельности И. С. Баха.* М.: Музыка, 1980. 271 с.

Моцарт — *Моцарт, В. А.* Полн. собр. писем. М.: Международные отношения, 2006. 538 с.

Bach-Dokumente — *Bach-Dokumente / hrsg. vom Bach-Archiv Leipzig.* Bd. 1. Schriftstücke von der Hand Johann Sebastian Bachs / vorgelegt und erläutert von W. Neumann, H.-J. Schulze. Kassel; Basel et al.: Bärenreiter; VEB Deutscher Verlag für Musik, 1963. 288 S.

KV — *Köchel, L. von.* Chronologisch-thematisches Verzeichnis sämtlicher Tonwerke W. A. Mozarts. Wiesbaden: Breitkopf & Härtel, 1965. 1025 S.

Mozart — *Mozart, W. A.* Briefe und Aufzeichnungen. Gesamtausgabe: in 8 Bdn / hrsg. von der Internationalen Stiftung Mozarteum Salzburg; gesammelt von W. A. Bauer, O. E. Deutsch; auf Grund deren Vorarbeiten erläutert von J. H. Eibl. München; Kassel: DTV Deutscher Taschenbuch Verlag; Bärenreiter, 2005.

Musiker-Briefe — *Musiker-Briefe.* Eine Sammlung Briefe von C. W. von Gluck, Ph. E. Bach, Jos. Haydn, C. M. von Weber und F. Mendelsohn-Bartholdy / veröff. von L. Nohl. Leipzig: Drucker und Humboldt, 1867. 354 S.

Литература

1. Адмони, В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1965. 336 с.
2. Алексеева, И. С. Апофеоз интертекстуальности (о переводе поэмы Тимура Кибирова «Когда Ленин был маленьким» на немецкий язык и об интертекстуальном барьере в переводе) // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения», 26–28 октября 2001 г. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. С. 13–19.
3. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 443 с.
4. Белунова, Н. И. Интертекстуальные средства и особенности их функционирования в дружеском письме (на материале писем творческой интеллигенции конца XIX — первой четверти XX века) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии: науч.-практ. журнал. 2013. № 4 (18). С. 69–75.
5. Бойко, Л. Б. К вопросу о переводе интертекста // Вестник Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Серия: Филологические науки. 2006. № 2. С. 52–59.
6. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
7. Гухман, М. М., Семенюк, Н. Н., Бабенко, Н. С. История немецкого литературного языка XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1984. 248 с.
8. Жирмунский, В. М. История немецкого языка. 4-е изд. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1948. 299 с.
9. Зиндер, Л. Р., Строева, Т. В. Современный немецкий язык. Теоретический курс. 3-е изд. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1957. 420 с.
10. Корганов, В. Д. Моцарт: биографический очерк. М.; СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1900. 447 с.
11. Кузьмина, Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста // Текст. Интертекст. Культура: сб. докладов междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 г.) / РАН. Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова; ред.-сост. В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2001. С. 97–111.
12. Лазарчук, Р. М. Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра // XVIII век. Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977. С. 72–82.
13. Нижникова, Л. В. Письмо как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991. 17 с.
14. Письма русских писателей XVIII века / вступ. ст. Г. П. Макогоненко. Л.: Наука, 1980. 472 с.
15. Семенюк, Н. Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. М.: Наука, 1967. 299 с.

16. Семенюк, Н. Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. М.: Наука, 1972. 215 с.
17. Семенюк, Н. Н. Очерки по исторической стилистике немецкого языка. М.: Высшая школа, 2000. 183 с.
18. Солянова, Н. А. Способы достижения адекватности перевода интертекстуальных включений (на примере переводов произведений Б. Акунина // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2012. № 4. С. 99–105.
19. Степанов, Н. А. Поэты и прозаики. М.: Художественная литература, 1966. 360 с.
20. Степанов, Н. Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза: сб. / под ред. Б. Н. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 74–101.
21. Todd III, U.M. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб.: Академический проект, 1994. 207 с.
22. Филиппов, К. А. Лингвистика текста. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 336 с.
23. Brandes, M. P. Stilistik der deutschen Sprache. М.: Высшая школа, 1990. 240 с.
24. Ermert, K. Briefsorten. Untersuchungen zur Theorie und Empirie der Textklassifikation. Tübingen: Walter de Gruyter, 1979. 234 p.
25. Lessing, G. E. Sämtliche Schriften: in 16 Bdn. Bd. 12. Berlin: Voß, 1840. 422 S.
26. Nickisch, R. M. G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 308 S.
27. Riesel, E. G., Schendels, E. I. Deutsche Stilistik. М.: Высшая школа, 1975. 144 с.
28. Steinhausen, G. Geschichte des deutschen Briefes. Zur Kulturgeschichte des deutschen Volkes: in 2 Bdn. Berlin: R. Gaertner, 1889–1891.

References

1. Admoni, V. G. *Historical Syntax of the German Language*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1965, 336 p. (In Russian)
2. Alekseeva, I. S. Apotheosis of Intertextuality (On the Translation of the Poem by Timur Kibirov “When Lenin Was Small” into German and of the Intertextual Barrier in Translation). *Universitetskoe perevodovedenie*, issue 3, Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. po perevodovedeniiu “Fedorovskie chteniia”, 26–28 oktiabria 2001 g. St. Petersburg, Filol. f-t S.-Peterb. gos. un-ta Publ., 2002, pp. 13–19. (In Russian)
3. Arnold, I. V. *Semantics. Stylistics. Intertextuality*, sc. ed. by P. E. Bukharkin. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 1999, 443 p. (In Russian)
4. Belunova, N. I. Intertextual Means and Features of Their Functioning in a Friendly Letter (on the Material of Letters from the Creative Intelligentsia of the

End of the 19th — First Quarter of the 20st Century). *Teoriia i praktika servisa: ekonomika, social'naia sfera, tekhnologii: nauch.-prakt. zhurnal*, 2013, vol. 4 (18), pp. 69–75. (In Russian)

5. Boiko, L. B. To the Question of the Intertext Translation. *Vestnik Ros. gos. un-ta im. I. Kanta. Serii: Filologicheskie nauki*, 2006, no. 2, pp. 52–59. (In Russian)

6. Gudkov, D. B. *Theory and Practice of Intercultural Communication*. Moscow, Gnozis Publ., 2003, 288 p. (In Russian)

7. Gukhman, M. M., Semeniuk, N. N., Babenko, N. S. *History of the German Literary Language of the 16th–18th Centuries*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 248 p. (In Russian)

8. Zhirmunskii, V. M. *History of the German Language*, 4th ed. Moscow, Izd-vo literatury na inostr. iazykakh Publ., 1948, 299 p. (In Russian)

9. Zinder, L. R., Stroeva, T. V. *Modern German. Theoretical Course*, 3rd ed. Moscow, Izd-vo literatury na inostr. iazykakh Publ., 1957, 420 p. (In Russian)

10. Korganov, V. D. *Mozart: Biographical Sketch*. Moscow; St. Petersburg, T-vo M. O. Vol'f Publ., 1900, 447 p. (In Russian)

11. Kuźmina, N. A. Phenomenon of Literary Translation in the Light of the Theory of Intertext. *Tekst. Intertekst. Kul'tura: sb. dokladov mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 4–7 aprelia 2001 g.)*, RAN, In-t rus. iazyka im. V. V. Vinogradova, ed.-comp. by V. P. Grigor'ev, N. A. Fateeva. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, pp. 97–111. (In Russian)

12. Lazarchuk, R. M. Prose of Radishchev and the Tradition of the Epistolary Genre. *XVIII vek*, issue 12, A. N. Radishchev i literatura ego vremeni. Leningrad, Nauka. Leningr. otdelenie Publ., 1977, pp. 72–82. (In Russian)

13. Nizhnikova, L. V. *The Letter as a Text Type: Abstract of Ph. D. Thesis*. Odessa, 1991, 17 p. (In Russian)

14. *Letters from Russian Writers of the 18th Century*, introd. by G. P. Makogonenko. Leningrad, Nauka Publ., 1980, 472 p. (In Russian)

15. Semeniuk, N. N. *The Problem of the Formation of the Norms of the German Literary Language of the 18th Century*. Moscow, Nauka Publ., 1967, 299 p. (In Russian)

16. Semeniuk, N. N. *From the History of Functional and Stylistic Differentiations of the German Literary Language*. Moscow, Nauka Publ., 1972, 215 p. (In Russian)

17. Semeniuk, N. N. *Essays on the Historical Stylistics of the German Language*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2000, 183 p. (In Russian)

18. Soluianova, H. A. Ways to Achieve the Adequacy of the Translation of Intertextual Inclusions (For Example, Translations of Works by B. Akunin). *Vestnik Mosk. gos. obl. un-ta. Serii: Lingvistika*, 2012, vol. 4, pp. 99–105. (In Russian)

19. Stepanov, N. A. *Poets and Prose Writers*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1966, 360 p. (In Russian)

20. Stepanov, N. L. A Friendly Letter of the Beginning of the 19th Century. *Russkaia proza: sb.*, ed. by B. N. Eikhenbaum, Iu. N. Tynianov. Leningrad, Academia Publ., 1926, pp. 74–101. (In Russian)

21. Todd III, W.M. *Friendly Writing as a Literary Genre in the Pushkin Era*. Rus. ed. St. Peterburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994, 207 p. (In Russian)
22. Filippov, K. A. *Linguistics of the Text*. St. Peterburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2007, 336 p. (In Russian)
23. Brandes, M. P. *Stilistik der deutschen Sprache*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1990, 240 p.
24. Ermert, K. *Briefsorten. Untersuchungen zur Theorie und Empirie der Textklassifikation*. Tübingen, Walter de Gruyter, 1979, 234 p.
25. Lessing, G.E. *Sämtliche Schriften*, in 16 vols., vol. 12. Berlin, Voß, 1840, 422 p.
26. Nickisch, R. M. G. *Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1969, 308 p.
27. Riesel, E. G., Schendels E. I. *Deutsche Stilistik*. Moscow, Vyschaia shkola Publ., 1975, 144 p.
28. Steinhausen, G. *Geschichte des deutschen Briefes. Zur Kulturgeschichte des deutschen Volkes*, in 2 vols. Berlin, R. Gaertner, 1889–1891.

Бояркина Альбина Витальевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Albina V. Boyarkina

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.boyarkina@spbu.ru

SPIN-код: 2378-9873; AuthorID: 612455; ResearcherID: C-6413-2016